

В условиях интернета, имеющего экстерриториальный характер, территория государства как сфера его суверенной деятельности также своеобразным образом расширяется с целью обеспечения цифрового (информационного) суверенитета.

ООН в 2005 г. была поддержана новая концепция государственного суверенитета, получившая название «Обязанность защищать» (т. е. защищать жизнь и здоровье людей), которая в результате стала новой нормой международного права. В Лиссабонском договоре вместо обязанности ЕС уважать суверенитет государств – членов ЕС используется неопределенная формулировка об уважении Союзом национальных идентичностей.

В свете изложенного представляется целесообразным формирование новой Концепции государственного суверенитета с учетом процессов глобализации, деятельности транснациональных субъектов и существования глобального информационного пространства.

Интернет открывает новые возможности для взаимодействия общества и государства, использования государственной властью информационно-телекоммуникационных технологий при реализации социальных функций, предоставлении широкого спектра государственных услуг в электронной форме всем субъектам права. Это обеспечивает эффективность управленческой деятельности, укрепляет «обратную связь» с народом, что позволяет ученым говорить о новом, сервисном обслуживании населения (или «сервисном государстве»).

Глобализация, интернет обуславливают необходимость осуществления системной модернизации (осовременивания) государства, его функций и органов, в особенности исполнительной власти, что предполагает рационализацию форм и методов ее деятельности. В связи с этим заслуживает внимания применение аутсорсинга в сфере государственного управления, т. е. передачи (делегирования) внутренних государственных функций частным (негосударственным) организациям, предоставление им права оказывать различные государственные услуги населению. Это будет способствовать выполнению государством обязательств по социальному контракту, вытекающему из конституционного признака Республики Беларусь как социального государства.

Следует отметить, что Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы уделяет значительное внимание вопросам модернизации экономических отношений, органов государственного управления. Однако осуществление модернизации государства, исполнительной власти невозможно без модернизации ее правовых основ, в особенности административного права, в центре которого должна находиться высшая конституционная ценность – человек, его права, свободы и гарантии их реализации. Наряду с этим целесообразно осуществить кодификацию огромного массива норм

административного права, т. е. разработать и принять соответствующий Кодекс о государственном управлении (или Кодекс о государственном регулировании). В этом направлении в последнее время проявляет инициативу Правительство Республики Беларусь. Так, 20 октября 2018 г. постановлением Совета Министров № 752 утверждена Концепция государственной отраслевой политики и определены ее принципы (принцип равенства форм собственности, стабильности законодательства и др.).

УДК 340.1

Е.В. Тимошина, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Современные трактовки прав человека весьма далеки от их классического представления, обоснованного в трудах авторов естественно-правовых доктрин Нового времени и в первых конституционных актах. Мы имеем в виду классическое понимание прав человека как естественных и неотчуждаемых притязаний на индивидуальную свободу и достоинство, которые выражали универсальную и неизменную природу человека, наделенного свободой воли и ответственностью.

Сегодня смысл фундаментальных прав изменился настолько, что первый вопрос, который возникает: *в каком смысле естественны естественные права и какое естество человека они выражают?* Границы между естественностью и противоестественностью сегодня оказываются размытыми в ситуации, когда едва ли не любая «естественная» или «протиестественная» потребность может быть признана неотъемлемым правом человека: «ярлык прав позволяет оправдать почти любое требование того, кто научился пользоваться их языком в свою пользу» [1, с. 178]. В последнее время каталог прав пополняется легализованными формами поведения, которые на протяжении тысячелетней истории права считались отклоняющимися и запрещались как подрывающие основы общественного существования.

¹ Публикация подготовлена в рамках научного проекта № 19-011-00528 «Концепт справедливости в современной российской правовой системе», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований.

Второй вопрос, который возникает: *что в правах человека есть собственно и специфически человеческого*, коль скоро естественные права готовы признавать и за животными?

С одной стороны, мы видим не имеющее границ расширение перечня прав человека, порой взаимоисключающих. Право человека на жизнь и право на оказание помощи в уходе из жизни, право женщины на аборт и право инвалида детства на денежную компенсацию от государства за то, что он не был убит в утробе матери, право человека говорить на родном языке и право гражданина сжигать национальный флаг, право на участие в совместной молитве и право публично избирать Христа с презервативом в руках – все эти и другие права человека равным образом могут быть рассмотрены как расширяющие горизонт его возможностей и являются, как кажется, равнодостоинными актами его самореализации. Однако, если допустить, что, например, право на жизнь логически включает в себя и право на смерть, то, используя эту логику, можно прийти к выводу, что право на личную свободу предполагает также и право быть рабом, а право на телесную неприкосновенность – право претерпевать насилие, если на то есть желание самого человека [6, с. 100].

С другой стороны, из каталога прав человека рискуют быть изъяты некоторые фундаментальные права, например право на свободу вероисповедания, так как в ней, как утверждается, нет ничего, что призывало бы к ее особому уважению или упоминанию о ней в конституционных актах. Такой вывод кажется тем более странным, что религиозное происхождение прав человека в качестве политических притязаний является общепризнанным [3, с. 88; 4, с. 15–66] – все права человека, как показал Г. Еллинек, проистекают из его права на свободу вероисповедания [5, с. 46]. Кроме того, реализация этого права все чаще рассматривается как оскорбляющая чье-либо достоинство. Так, К. Эйсгрубер и Л. Сэджер пишут об этом: «...Молитвенные ритуалы предполагают публичное единение верующих... В результате их социальное значение включает в себя такое *грубое сообщение* (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Е. Т.): действительные члены этого сообщества... исповедуют христианство определенного направления; остальные пребывают среди нас, но испытывают недостаток в статусе полноправного членства. Публичные ритуалы создают класс посторонних и таким образом *принижают* тех, кто попал в этот класс...» [цит. по: 6, с. 145].

Отсюда возникает третий вопрос: что произошло, что фундаментальные права, провозглашенные еще в конституционных актах XVIII в. и относительно благополучно сосуществовавшие на протяжении двух веков, *стали находиться в ситуации постоянной конфликтности*? Вероятно, можно говорить о том, что формируется новое право – *право*

чувствовать себя униженным или оскорбленным (уязвленным). К «*принципу унижения*» (*disparagement*) апеллирует в своих рассуждениях, например, Дж. Раз, когда утверждает, что требовать от иммигрантов разговаривать на нашем языке означает не уважать их, высказывать суждение о том, что их культура менее развита и подлежит устранению [7, с. 45]. Это новое право чувствовать себя униженным оказывается способным провоцировать многочисленные и порой непредсказуемые конфликты, потому что в окружающем мире можно найти много неожиданных поводов для «уязвления», например рождественская елка на городской площади.

Несколько нарочитая демонстрация актов реализации новых и новейших, условно говоря, постклассических прав человека приводит к политизации дискурса о правах человека, поляризуя общество, разделяя его на «друзей» и врагов «толерантности», с точки зрения ее «друзей», недостаточно широко мыслящих носителей религиозных, гендерных, национальных и прочих культурных стереотипов или предрасудков. Таким образом, права человека включаются в политический дискурс и становятся политическими аргументами, а границы между правом и политикой стираются.

Каковы последствия этих процессов? Тотальная дискредитация прав человека и в конечном счете снижение уровня гарантий их защиты. Естественные права человека превращаются в нечто абсолютно неопределенное и утрачивают свое регулятивное значение [3, с. 83]. Похоже, именно в этом вопросе в доктрине, наконец, достигнут консенсус: с позитивистом Дж. Разом, который утверждает, что в понятии прав нет ничего такого, что выражало бы особое значение стоящих за ними интересов [7, р. 254–255], фактически соглашается представитель естественно-правового подхода Р. Алекси и признает, что права человека являются лишь соображениями, которые могут быть вытеснены другими соображениями [8, с. 57], в том числе и политическими.

В рамках обосновываемой Р. Алекси доктрины «взвешивания» прав человека в ситуации их конкуренции юридическая природа фундаментальных прав трансформируется таким образом, чтобы они представляли собой удобный материал для осуществления «взвешивания»: их реализация и защита возможны только «в той или иной степени», «в зависимости от фактических и юридических возможностей» [9, с. 209], т. е. безусловно. Из «политических козырей в руках людей» [10, с. 11] права человека превращаются в «ординарные» субъективные права, для возникновения которых, как известно, требуется наличие определенных гипотезой правовой нормы юридических фактов.

Следуя логике Р. Алекси, соответствующие предписания о правах человека необходимо реконструировать как условные, гипотетические

нормы: например, «если отсутствуют фактические и юридические возможности, то *N.* имеет право – в той или иной степени – не быть подвергнутым пыткам». Возможность такой реконструкции допускает сам Р. Алекси, по мнению которого закон коллизионности можно сформулировать следующим образом: «условия, при которых один принцип имеет приоритет перед другим, образуют фактический состав (*Tatbestand*) правила, выражающего наступление правовых последствий, предписанных более значимым (весомым) принципом» [11, с. 22].

Очевидно также, что признание зависимости реализации прав человека от фактических и юридических возможностей логически допускает ситуацию невозможности их реализации со ссылкой на отсутствие таких возможностей: «если отсутствуют фактические и юридические возможности, то *N.* не имеет права не быть подвергнутым пыткам, дискриминации и т. д.». Такое логическое преобразование, логически вполне допустимое в рамках рассуждений Р. Алекси, наглядно обнаруживает дискредитацию смысла фундаментальных прав в рамках предлагаемого им дискурса «взвешивания». Такая трансформация фундаментальных прав в условные, гипотетические конструкции едва ли соответствует их этическому смыслу и форме его нормативного выражения в международно-правовых актах и национальных конституциях.

Права человека как универсальные принципы права могут быть рассмотрены как *категорические* (безусловные) нормы, т. е. нормы, не имеющие гипотезы в качестве условия своего действия. Так, значительную часть Конвенции о защите прав человека и основных свобод составляют такого рода категорические предписания: «Никто не должен подвергаться... пыткам (ст. 3), «Никто не должен содержаться в рабстве...» (ст. 4) и др.

Для развития данного предположения может быть использована концепция нормативной мотивации Л.И. Петражицкого. Нормативной, или самодовлеющей, специфически правовой, Л.И. Петражицкий называл мотивацию, обусловленную сознанием долга, в том смысле, что «здесь не нужно никаких посторонних, целевых и других познавательных процессов» [12, с. 35], но само сознание своей правовой обязанности есть необходимый и достаточный мотив ее исполнения безотносительно к ее основаниям и возможным неблагоприятным последствиям ее неисполнения, представления которых наряду с представлениями различного рода выгод ученый рассматривает в качестве «косвенной вспомогательной мотивации» и строго отграничивает ее от специфически правовой [12, с. 543]. Соответственно, к двум видам *вспомогательной мотивации* он относил *телеологическую*, обуславливающую действия «для того чтобы» (например, стремление избежать неблагоприятных последствий неисполнения обязанности), и *основную*

(т. е. имеющую основания), побуждающую к действиям «потому что», т. е. вследствие наступления каких-либо обстоятельств. Нормативная мотивация находит соответствующее выражение в *нормативных суждениях*, специфической особенностью которых является то, что они отвергают или одобряют определенный тип поведения «не как средство для известной цели, а само по себе, например, „ложь постыдна“, „не следует лгать“, „следует говорить правду“ и т. п.», т. е. представляют собой эмоциональное переживание субъектом самодовлеющей ценности представляемого поведения, *ценности должного самого по себе*. Фактически признавая общую природу нормативности правил и принципов, Л.И. Петражицкий подчеркивает, что содержанием нормативных суждений являются «*принципиальные правила поведения, принципы поведения, или нормы*» [12, с. 35].

Права личности как правовые – императивно-атрибутивные – убеждения формируются на определенном этапе развития этической, в том числе правовой культуры. При этом соответствующие этим нормативным убеждениям *проекции* в свете теории Л.И. Петражицкого можно рассматривать как категорические (безусловные) нормы, или правовые принципы. «...Есть много таких норм, – пишет ученый, – которые не только... переживаются нормально в категорической форме, но вместе с тем соответствуют таким общим принципам права, которые уже на теперешней ступени развития человеческой культуры имеют в цивилизованном мире характер абсолютно-общих, чуждых всяких исключений принципов. Такой характер не только категорических норм, но и абсолютно-общих принципов цивилизованного права имеют, например, нормы, не допускающие пыток, так называемой квалифицированной смертной казни... порабощения людей и торговли ими и проч. *Какие бы „интересы“ или „цели“ ни имелись в виду, такие и т. п. посягательства на личность и права другого культурным правом отвергаются*» [12, с. 270–271].

Соответственно, Л.И. Петражицкий считал «недоразумением» доказательство условного характера нормы, запрещающей убийство, со ссылкой на допущение смертной казни, убийства на войне и т. д. «Фактически в психике нормально воспитанных людей, не занимающихся ремеслом палачей или т. п., – возражал он, – норма об убийстве имеет категорический характер. Что же касается допущения со стороны позитивного права смертной казни, убийства на войне и т. п. (пока таковое допущение существует), то дело идет не о гипотетическом характере нормы, запрещающей убийство, а о *существовании особых исключений из соответствующего общего принципа*» [12, с. 270].

Кроме того, в логической структуре правовых принципов отсутствует санкция, что позволяет классифицировать их по данному основа-

нию как *незащищенные* нормы. В этом смысле правовые принципы как категорические – безусловные и незащищенные – нормы являются выражением чистой *нормативной* мотивации, исключаящей «*потому что*» и «*для того чтобы*» мотивы при исполнении предписываемой правовым принципом обязанности: *N.* обязан не «потому что» (основание обязанности – гипотеза) и не «для того чтобы» (последствие неисполнения обязанности – санкция) – эта *абсолютная обязанность* может быть описана только при помощи тавтологического утверждения «*N.* обязан, потому что обязан», как и корреспондирующее ей право, *абсолютный* характер которого передается с помощью такого же тавтологического утверждения «*N.* имеет право, потому что имеет право», являющегося выражением хрестоматийного суждения о том, что естественными правами человек обладает в силу его принадлежности к человеческому роду. Таким образом, категорические нормы, которые, как уже отмечалось, не имеют гипотезы в качестве условия своего действия, не связывают существование субъективных прав и правовых обязанностей с наличием каких-либо юридических фактов. Такие права и обязанности являются *абсолютными* (безусловными) в том смысле, что связываются исключительно с самим существованием (экзистенцией) человека, являясь своего рода «мерилом человечности» в человеке.

Понимаемые таким образом права личности, выступая своего рода щитом от вторжения в сферу индивидуальной свободы со стороны государства и других лиц, по отношению к самому человеку, скорее, являются его моральным долгом, моральным обязательством перед самим собой, а не просто инструментом расширения горизонта человеческих возможностей. Такое понимание прав человека снижает их потенциальную конфликтность и позволяет восстановить грань между правом и политикой, исключая взгляд на фундаментальные права как лишь на соображения, которые под влиянием внешних обстоятельств, в том числе политических, могут быть вытеснены другими соображениями.

1. Цукка Л. Право versus религия // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2015. № 6. С. 173–195.
2. Краснов М.А. Христианство и права человека. Компендиум. М. ; Берлин : Директ-Медиум, 2015. 147 с.
3. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2018. Т. 13, № 4. С. 83–124.
4. Локк Дж. Послание о веротерпимости // Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ. А.В. Субботина. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 15–66.
5. Еллинек Г. Декларация права человека и гражданина : пер. с нем. 3-е изд. М. : Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1906. 89 с.

6. Финнис Дж. Почему религиозная свобода является особым, важным и ограниченным правом / пер. Е.А. Уваровой // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2015. № 6. С. 133–150.
7. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford : Clarendon Press, 1986. 434 p.
8. Alexy R.A. Theory of Constitutional Rights. Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. 506 p.
9. Алексис Р. Формула веса / пер. с англ. В.В. Архипова // Российский ежегодник теории права. 2010. № 3 / под ред. А. В. Полякова. СПб. : Изд. дом СПбГУ, 2011. С. 208–228.
10. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. под ред. Л.Б. Макеева. М. : РОССПЭН, 2004. 392 с.
11. Алексис Р. О структуре принципов права / пер. с нем. В.Н. Корнева // Рос. правосудие. 2017. № 3. С. 19–34.
12. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 606 с.

УДК 340.1

С.А. Трахимёнок, доктор юридических наук, профессор, профессор специальной кафедры Института национальной безопасности Республики Беларусь

ПРАВО И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В последнее время термин «мировой порядок» все чаще появляется в статьях юристов-международников, публицистов и политиков, исследующих проблемы международных отношений. Причем иногда его идентифицируют с термином «международный правопорядок». Следует отметить, что публицисты делают это походя, не придавая особого значения смысловой нагрузке и сути понятия. Политические деятели, в свою очередь, вкладывают в него собственный смысл в рамках своего видения ситуации в мире.

В некоторых случаях наряду с первым используется «новый мировой порядок», появившийся во времена президентства Дж. Буша-младшего. Указанный термин стал основой целой концепции, предполагающей политический курс США с претензией на неограниченное господство в мире.

Однако исследователи понятия и концепции не пришли к единому мнению не только по поводу содержания и смысла данного термина, но и его возникновения.

Так, советские исследователи полагали, что он возник в документах «Группы 77» развивающихся стран, то есть появился в недрах практической политики. Американские специалисты до сих пор считают, что он порожден теорией, то есть «доктриной, целью которой был поиск средств установления в международных отношениях определенного